

РЕВЮ

«В какой-то момент я понял и сформулировал, что это фильм про человека, который либо не пошел на выборы, либо проголосовал на них за Гитлера — не из убеждения, а по глупости»

Алексей Алексеевич Герман — Газете

дебют

«Мне будет обидно, но потом я скажу, что мне по фигу»

Алексей Герман-младший — Газете

Алексей Герман-младший: «Мне сложно решить, буду я делать коммерческое кино или некоммерческое. Я хочу найти какую-то середину» Фотограф: Никита Инфантьев / Газета

Алексей Алексеевич Герман — сын прославленного режиссера — со своим дебютным фильмом «Последний поезд» произвел впечатление на фестивальную публику как в России, так и за рубежом. Теперь картина выходит в прокат. Накануне премьеры с Алексеем Германом-младшим побеседовал Антон Долин.

Могут ли призы, полученные «Последним поездом» на международных фестивалях, как-то помочь его судьбе в прокате? За границей, но вряд ли у нас. Уже после Венеции и «Киношока» никакие другие призы не будут ничего решать для проката в России. Все прежде всего зависит от то-

го, насколько велика прослойка людей, которые пойдут на мой фильм, и будет ли это кино событием не только культурным, но и социальным.

В фильм закладывалась идея «социального события»?

Наверное, да. В какой-то момент я понял и сформулировал, что это фильм про человека, который в 1933 году либо не пошел на выборы, либо проголосовал на них за Гитлера — не из убеждений, а по глупости. Тут возникают некоторые параллели с нынешним успехом националистических партий на наших выборах.

Кто, по-твоему, входит в аудиторию этого фильма? Вряд ли это люди твоей возрастной группы.

Когда я показывал фильм в Киеве, очень много приходило людей в возрасте после тридцати пяти лет. Приходили женщины

за сорок пять, из тех, каких встречаешь в библиотеках... Эти люди — пойдут. Поидет электорат СПС, я думаю.

Не удивительно, что самые рьяные ценители фильма — люди в возрасте? Есть определенная самоидентификация с героями — немолодыми людьми, попавшими на войну. Все-таки это трагедия людей эгоцентричных, чего-то добившихся, проживших какое-то количество времени. А следующую картину я буду снимать про очень молодых людей — совсем с другой интонацией.

Про что будет фильм?

Про 1914 год, про ребят, которые в этот последний мирный год в России были настолько одержимы идеей футбола, что не заметили ни Серебряного века, ничего другого. Они счастливо пережили закат эпохи, умирание одного мира и рождение другого, настолько были увлечены своей страстью.

Молодой режиссер — ты, то есть, — снимает свой первый фильм, чисто арт-хаузный, и не на русском языке... Между прочим, сравнительно недавний «Молох» Александра Сокурова тоже весь был на немецком языке.

Я хотел, чтобы они говорили по-немецки, только для того, чтобы было похоже, чтобы было по-настоящему. Мы пробовали делать так, чтобы они говорили по-русски, и мы все это переозвучивали — было ужасно. Люди в немецкой форме говорят по-русски, и сразу получается чудовищный сериал, мыльная опера. Особенно когда по-русски звучат немецкие имена, это глупо и смешно.

А первый фильм я и хотел снимать арт-хаузный. Хотя мне сложно решить, буду я делать коммерческое кино или некоммерческое. Я хочу найти какую-то середину. Не знаю, получится ли.

Тебя не смущает то, что часть аудитории отсекается тем фактом, что фильм снят не по-русски?

Мне кажется, это большая-большая проблема: все в России настолько напуганы тем, окупится кино или нет, что начали путать все понятия. В мире нормально существует арт-хауз, а у нас его в принципе нет, кроме трех режиссеров! Аудитория найдется для каждого кино. Вопрос зрительского успеха — продюсерский.

Если придешь в кинотеатр, а в зале — два-три человека, тебе, как режиссеру, не обидно?

Мне будет, наверное, обидно, но потом я скажу, что мне по фигу. И вот почему:

я не склонен относиться к своему опусу как к шедевру, я стараюсь нормально смотреть на вещи. Но я понимаю, что фильм состоялся и что он будет жить — прежде всего как культурное явление. Нельзя всю жизнь снимать арт-хаузные картины, мне надо будет многое менять в следующем фильме, но в итоге мне не будет обидно. Больше десяти процентов с моего фильма не ушло ни на одном показе, и я верю в какие-то перспективы.

Что ты скажешь о неизбежных сравнениях «Последнего поезда» с картинами Германа-старшего?

Отвечать на эти вопросы можно лет через пять-десять. Когда я начал писать и делать раскадровки, то прекрасно понимал, что какие-то вещи близки к стилистике отца. Но выбора у меня не было. Это кино, на котором я воспитан, которое мне нравится, которое я считаю хорошим. Я искренне делал то, что мне кажется хорошим, — а в силу родства и того, что я люблю картины отца, получалось похоже. Кино все-таки пошло по фестивалям, и достаточно успешно: на простом подражательстве оно бы не получилось.

газета

в титрах —

Алексей Алексеевич

Алексей Герман родился в 1976 году в Санкт-Петербурге. Сын знаменитых родителей, кинорежиссера Алексея Германа («Проверка на дорогах», «Мой друг Иван Лапшин», «Хрусталева, машину!») и его постоянного соавтора Светланы Кармалиты, Герман-младший учился во ВГИКе, где окончил мастерскую Сергея Соловьева и Валерия Рубинчика. Дебютом в кинематографе стал фильм «Последний поезд». Мировая премьера этой задумчивой и сложной черно-белой картины, рассказывающей о судьбе двух немецких солдат — по основным профессиям почтальона и врача, — в советской России времен Великой Отечественной, прошла на фестивале в Венеции. Там фильм был удостоен специального диплома от жюри дебютов. Также «Последний поезд» получил приз «Международной амнистии» на фестивале в Роттердаме и главный приз отечественного правозащитного фестиваля «Сталкер».